

Лестница Якова

Если бы знало дерево о Боге и сознавало близость Его, как сознает это верховный ангел, то и дерево обладало бы тем же блаженством, что и верховный ангел.

Мейстер Экхарт

Рамакришна, индийский святой XIX в., рассказывал своим ученикам притчу: однажды он поднимался по ступенчатой башне выше и выше, до самой вершины, туда, где предметы не заслоняли небо и со всех сторон видны звезды. Достигнув вершины, он поражен был светом и некоторое время оставался в забытьи. Потом чистый воздух гор разбудил его. Очнувшись, он заметил, что верхняя площадка и ступени сделаны из одного и того же материала. Он стал спускаться и удивился, что с каждой ступени видны звезды.

– С тех пор, – закончил Рамакришна, – я хожу по лестнице то вверх, то вниз, но больше всего люблю сидеть внизу и беседовать со своими учениками.

Можно по-разному понимать эту притчу (которую я пересказываю не совсем точно – так, как запомнил). Для меня здесь главное то, что звезды видны отовсюду. Надо только не забывать, что они есть, и хоть иногда смотреть в небо. И в каждом положении, на каждой ступени отыскивать такой поворот, такой наклон головы, чтобы на самом деле увидеть.

На верхних ступенях лестницы нельзя не видеть звезд. На нижних можно их и не заметить. Можно подумать, что звезд вообще нет, и жить так, как будто их в самом деле не было. Или может показаться, что звезды видны только сверху и тем, кто живет внизу, не дано их знать. Тогда люди мирятся с жизнью без звезд или, наоборот, тратят всю свою жизнь на то, чтобы подыматься выше, выше; подымутся с огромным трудом на несколько шагов, оглянутся – еще мало видно! – и снова карабкаться вверх. И так год за годом проходят в карабканье, а просто жить со звездами не остается времени.

Я не говорю, что такое карабканье – упражнение, аскетизм – не имеют смысла. Но смысл аскетизма – в открытии того, что звезды есть и что они отовсюду видны, в умении отовсюду поворачивать к ним голову, видеть и слышать их, слушать и слушаться. (Дело ведь не только в том, чтобы увидеть звезды. Надо еще услышать их и сделать то, что они велят (1).)

Рамакришна понял все это, но прежде он потратил на монашеские подвиги несколько лишних лет. Своих учеников он удерживал от крайностей аскезы. Он старался передать им свой опыт расширенной жизни, просто рассказывая, каким небо смотрится с вершин, не добиваясь, чтобы каждый сам влез и посмотрел. Очень хорошо самому испытать высокое и редкостное состояние бытия, когда пропадает чувство отдельности и жизнь, расколота на куски, внезапно сливается в простое целое, в чистый свет, бьющий изнутри наружу, из души в мир, погасив все предметы, выключив пространство и время.

Но можно испытать такое состояние – и потратить всю остальную жизнь на поиски божественного переживания (которое больше не дается в руки). Блаженство, не преображающее человека, оставляющее после себя пустоту, может отравить, как наркотик. Кришнамурти рассказывает о нескольких таких людях, обратившихся к нему за помощью (он советовал им бросить поиски). И можно ни разу не испытать полноты блаженства, а только смутное предвестие его – и спастись. Спастись, то есть найти свой наклон, свой поворот, свое отношение к звездам, поднявшись всего на несколько шагов. Спастись, то есть научиться отвечать звездам, войти с ними в непрерывный разговор. Иногда – даже не видя звезд, а только отблеск их в

человеческих глазах, и глядя на человека, который видит звезды, как на звезду.

Каждому человеку дано подняться по лестнице Якова на несколько ступеней. И при каждом удобном случае нужно пробовать – еще на вершок, еще на полвершка. Но бесполезно насилловать свою природу. Те, которым легко всходить, подымутся до вершины и станут светильниками человечеству. А мы вылеплены для другого. И если попытаемся быть небесными светочами, то тяжесть глины, из которой сделан сосуд, потянет вниз.

Мы все вылеплены для добра и должны суметь выбрать добро, но добро – это поворот к звездам, ваш личный поворот, и ответ звездам – ваш личный ответ, а не один для всех. Мария права, сидя у ног Христа, а Марфа права, готовя обед ему. Мария не может накрывать на стол, потому что она захлебнулась в глазах Христа, а Марфа может и потому должна это делать и не должна упрекать Марию за то, что та захлебнулась (если она не играет взахлеб). Но стоит Марии возгордиться своим захлебом, восхищеньем – и она тут же падает вниз, в царство блистающего ангела, Люцифера.

Служение Марии и Марфы – разного уровня, но в чем-то оно одного уровня. Трюки жонглера Богоматери были угодны Пресвятой Деве (2).

Можно представить себе огромную пирамиду со множеством ступеней и площадок. Все эти ступени нужны. Нужна Мария – глядеть в глаза Христа. И нужна Марфа – много, много Марф (3). На языке индуизма путь Марфы – это кармамарга (путь действия). А путь Марии – бхактимарга (путь любви). Есть еще джнянамарга (путь умственного углубления в бездну Бога. Какое-то приближение к нему – "интеллектуальная любовь к Богу" Спинозы). И есть иогамарга (путь аскетов). Каждый человек может найти свою ступень, на которой ему легко двигаться, свой отрезок пирамиды. И отсюда, со своей ступени, видеть все, что нужно. Может быть, больше, чем иной вскарабкавшийся выше, но тратящий свою силу на то, чтобы удержаться на чужой, не для него созданной высоте и поминутно рискующий свалиться с нее. Лучше своя плохая дхарма, чем чужая хорошая. Лучше естественная Марфа, чем вымученная Мария. Полнота жизни открывается не только через экстаз, в котором сливаются и исчезают будничные предметы, а и в каждом из этих будничных предметов, если узнана его связь с целым, связь времени и вечности.

– Как мне познать путь? – спросили Чжао Чжоу, одного из самых запомнившихся старцев китайского буддизма.

– Ты уже позавтракал? – отвечал наставник. – Так пойд и вымой свою миску.

Грех – зарывать в землю свой талант, но не надо и придумывать себе таланты, которых нет. В том числе талант захлебываться бытием, переживать его как сноп чистого света и т. п. То, что относится к талантам деловым, профессиональным, верно и по отношению к талантам духовным.

Есть иерархия силы: сильных мышц, сильного ума, сильного проникновения в красоту мира и в его духовную суть. Каждая особая сила создает свою особую иерархию, но все они в чем-то подобны (это заметно в энциклопедии, где сходятся знаменитости математики, балета и аскезы). И все эти иерархии в чем-то неважны. То, что светская слава ничего не значит, что богатый Лазарь может оказаться в аду, а бедный в раю, – это простая мысль, дошедшая до каждого средневекового христианина. Я хочу сказать другое: что и духовная сила в известном смысле не важна, хотя прекрасна и достойна поклонения...

Важна, собственно, не столько сила, сколько наше отношение к ней. Именно наше отношение освящает силу, талант (всякий) – или загрязняет их. Расстояние между нами и Богом – не сам дар, а в том, как мы этот дар принимаем. Христос возвышается над нами не даром рождения, а актом смирения: ничего не говорю от себя, но Отец говорит во мне. Тот же сын Марии, если бы принял одно из искушений дьявола, был бы низвержен. Хотя силы остались бы и люди поклонялись бы ему, а не распяли... (4)

Каждый человек открыт для благодати. В отдельную минуту каждый может становиться ближе ей или дальше, иногда даже чувствует это, но по природе все люди, и умные, и глупые, и способные парить в поднебесье, и умеющие только вскакивать на забор, – одинаково открыты Святому Духу, который веет, где хочет, и не заботится, дуб он нагибает или травинку. Конечно, действие благодати в сильном существе будет сильнее – но ведь это опять-таки наш профанический счет, наше человеческое ухо, которое шум дуба слышит лучше, чем шорох травы. А для всеслышащего уха – не все ли равно?

Даже невсеслышащее ухо может заметить в тихом шуршании травы достоинства, которых нет в громе и скрежете (например, нежность). Но дело не только в этом. В самом несовершенстве, без всяких оговорок, есть свое достоинство. Крупность сделанного дела, его годность на то, чтобы оправдать целую жизнь, – как это мешает! Какой это тяжелый груз и как от него трудно избавиться! И чем больше талант, тем труднее. Чем справедливее его оценка и самооценка (по человеческому счету), тем легче она становится каплей твари, которая (по слову Мейстера Экхарта) вытесняет всего Бога.

Это не значит, что надо раскармливать свое несовершенство и находить моральную сладость в грехе, что надо любить грех (как предлог к покаянию и т. п.). Воля к совершенству – добрая воля: но помимо совершенства по человеческому счету, есть еще другой, большой масштаб, перед которым все земное – нуль, прах. И суть дела в том, чтобы никогда не забывать его. Я хотел бы это назвать предстоянием перед Богом. Предстоять, то есть быть открытым тайне бытия и воспринимать ее как Бога, требующего нравственного ответа.

В этом предстоянии человек всегда нагой, без прошлых заслуг, без индульгенции в кармане, без заступника или заступницы. Только так чувствуется прикосновение тайны, из которой мы все растем. Я не знаю, какой буквальный смысл имеют слова "предстоять перед Богом". Наверное, никакого буквального смысла в них нет, один духовный, с точки зрения фактов – метафизический. Я не знаю, как эти слова всплыли во мне, сами собой или их подсказал Мартин Бубер, или, может быть, Достоевский (когда я думал о разговоре Великого инквизитора с Христом). Но состояние, описанное этими словами, совершенно реально. И совершенно реально, что оно исчезает, как только появляется чувство довольства сделанным, даже совершенно справедливое чувство правоты перед судом истории. И здесь маленькие люди в лучшем положении, чем большие. Как раз сила творчества, умение создавать законченные, духовно глубокие вещи, умение совершать мужественные и прекрасные поступки – легко замыкает душу, так что не нужно ей больше смерти и преображения – и так хорошо. "Бог гордым противится". И не потому, что предпочитает раболепие. Не в том дело, чтобы искусственно придать своему телу и уму смиренную позу, а в трезвом понимании реальности, в понимании действительного ничтожества всех наших дел, в том числе и славных, если приложить к ним достаточно крупный масштаб, нетленный, вечный масштаб. Буддисты передают это словом шуньята (пустота, нуль). Махашуньята (Великая Пустота) – это буддийский синоним Бога.

Сколько бы одежд мы ни соткали, они прикроют нас от холода, от солнца, но не от бездны Бога, не от Великой Пустоты. Все, что сделано, в том числе и для Него, перед Ним, уже истлело, растаяло, как прошлогодний снег. Сейчас, когда мы вспоминаем свой шедевр, его уже нет.

Как-то я увидел в журнале снимок: бродячий еврей-медник разложил свои кувшины и другие поделки на коврике – где-то на юге Марокко, в Сахаре. Не знаю, почему, – может быть, контрастом грязного, нищего медника и тонких, изящных кувшинов – этот снимок запомнился. Когда я хорошо работаю, я вспоминаю медника и слышу звон его молоточка.

Принято называть ремесленничеством работу без вдохновения. Но Цветаева назвала свой сборник "Ремесло" (1923). Ремесло вовсе не противоположно вдохновению. Другое название ремесла – мастерство. Мастерство без запроса, без претензий. Мастерство без должного вдохновения, без томления пленного духа. Если подлинное вдохновение приходит, мастерство

взлетает прямо в небо, не задерживаясь на себе. Как у Баха. Я думаю, что Бах – последний такой ремесленник, простой, как медник. Открытый чувству бесконечности, но по своему нравственному складу – тот же ремесленник.

Бах сохранял простоту ремесла на таких высотах вдохновения, которые потом, в XIX и XX веках, непременно вызвали бы сознание "я гений", с усилием удержаться на недостижимом уровне – и со страхом оборваться. Бах не боялся. Он выпиливал себя лобзиком по канону, потом, когда вдохновение его подымало, взлетал в небо – и так же легко, без страха спускался. И он, и вся старая органная школа. Ремесленники Божьи. Они просто не мешали благодати вдохновения посещать их. А сами заботились только о том, чтобы перо было чисто очищенным и рука привыкла быстро и легко писать. То есть заботились о ремесленной выучке, а остальное предоставляли Святому Духу (5).

Очень трудно сейчас, в XX веке, вернуться к такой простоте. Большая часть жизни уходит на то, чтобы выработать свой индивидуальный "канон", свою манеру (потому что общей, подходящей для всех, теперь нет. Слишком уж мы стали разные.) Проходит 20—30 лет, пока выучишься быть самим собой; а сколько потом останется, чтобы жить, бог весть. Но другого пути нет. Остается одно общее, общее с Малером и Рильке, с Мандельштамом и Цветаевой: канон внутреннего состояния. А во внешнем – каждому приходится выработать свой стиль, копать свой собственный колодец в глубину. И там, в глубине, находить свой корень. Это касается не только художников, артистов, музыкантов, а всех. Просто для художника проблема острее, потому что личность – это его инструмент, и всем видно, если инструмент плохой. А инженер может быть совершенной безличностью, и никто на это не обратит внимания, и сам он не испытывает никаких неприятных ощущений. Хотя лучше бы испытывал. Потому что художественная задача стоит перед каждой жизнью, потому что в каждом из нас заброшен образ Божий, надо его расправить, высветлить, чтобы он стал совершенной иконой, и если мы это не делаем, мы предаем Бога.

Каждое наше бытие – это Его бытие. Если в самом деле есть Бог, то отдельности нет, все Бог, каждая душа – Божья. И ее муть, ее мрак ложатся на Божью душу, пятнают Целое, и оно светит сквозь всю эту муть, сквозь всю эту отраву, которую мы изливаем на Него, сжигает их в своем свете, но с великим страданием. Это хорошо выражено в словах о вечном, каждодневном распятии Христа – в словах, которые мы обычно не принимаем всерьез. А они совершенно серьезны.

* Имеется в виду лестница, которую Яков видел во сне (Бытие, 28, 12)

1 "Поэт – это тот, кто умеет слушать звезды. Святой – тот, кто умеет им ответить" – Зинаида Миркина.

2 Есть средневековая легенда о жонглере, ставшем монахом. Не умея иначе выразить благоговение, он проделывал перед иконой свои прыжки. Богоматерь защитила его от упреков братии.

3 Мысли, изложенные здесь, перекликаются с теми, которые я впоследствии нашел, гораздо лучше выраженные, у Тейяра де Шардена в "Божественной среде", – вместе с образом лестницы Якова. Я думаю, что ему, как мне, помог Восток.

4 Вставка 3. Миркиной.

5 Сходную апологию ремесла я прочел впоследствии у Н.Я. Мандельштам, в эссе "Моцарт и Сальери". Но Сальери, по-моему, не ремесленник, а интеллектуал, отравленный мыслью о гениальности. Вся трагедия "Моцарт и Сальери" – по ту сторону ремесла.